

УДК 340.11

*А.В. Борцов, А.Ю. Кандаков***«ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ» В ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОМ АППАРАТЕ ПРАВОВОЙ НАУКИ**

Статья посвящена определению содержания понятия «юридические препятствия», его места в понятийно-категориальном аппарате правовой науки. Проводится исследование сущностных признаков юридических препятствий как явлений правовой действительности, негативно влияющих на процесс правового воздействия. На основании выявленных сущностных признаков проводится соотношение юридических препятствий с иными правовыми явлениями, что позволяет определить объем понятия «юридические препятствия». Авторы приходят к выводу, что «юридические препятствия» необходимо отличать от «правовых ограничений» и иных смежных с ними правовых явлений. Главное отличие правовых ограничений состоит в том, что они являются правовыми средствами и направлены на достижение правовых целей.

Рассматриваются правовые явления, входящие в содержание понятия «юридические препятствия». В зависимости от их проявления на одном из уровней правового воздействия выделяются две группы данных явлений. К первой относятся юридические препятствия на специально-юридическом уровне правового воздействия: проблемность, неопределенность и несогласованность регулирования, правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой субъективизм, а также иные нормативные, правоконкретизирующие и правореализационные препятствия. Ко второй группе относятся юридические препятствия на психологическом уровне правового воздействия, в частности, отчуждение в праве, противозаконные стимулы и ограничения, правовой идеализм и правовая демагогия.

Ключевые слова: понятие, юридические препятствия, правовое явление, правовое воздействие, правовые ограничения, правовой нигилизм.

Правовые понятия и категории являются по своей сути отражением в сознании познающего субъекта форм и сущности явлений правовой действительности, закономерностей государственно-правовой жизни. Иначе говоря, правовые понятия и категории – это познавательный образ явлений и процессов правовой действительности, «язык» правовой науки. Появление в ее предметном поле новых явлений или процессов либо раскрытие их новых граней требуют генезиса понятий или категорий, в которых они найдут свое объективное отражение. Таким образом, постоянный процесс обнаружения, познания и научного осмысления явлений правовой действительности, развитие правовых знаний являются главными детерминантами эволюции понятийно-категориального аппарата правовой науки. При этом очень важно, чтобы новые понятия и категории были «адекватны кругу объективно существующих правовых явлений» [1], не были «пустыми» и отражали существенные признаки тех конкретных правовых явлений, которые подпадают под это понятие или категорию. Для этого, как справедливо отмечал В.И. Ленин, «категории надо вывести» [1; 2], необходимо очертить их «понятийное поле» [3]. В связи с этим важным является определение коррелятивных связей «новых» понятий и категорий с уже существующими в правовой теории. Последние, в свою очередь, являются «сервисными категориями» [3], позволяющими, с одной стороны, определить содержание «нового» понятия, а с другой – отграничить его от других смежных понятий и категорий, отражающих сходные по своим признакам явления правовой действительности.

С учетом сказанного хотелось бы отметить, что в последнее время в правовой науке все чаще стали говорить о явлениях, препятствующих правовому воздействию, тормозящих управленческий процесс, негативно сказывающихся на удовлетворении правомерных интересов субъектов права [3], а также на достижении правовых целей. Иными словами о препятствиях в праве или *юридических препятствиях*. Одним из первых в отечественной юриспруденции проблему препятствий в юридической сфере на теоретическом уровне обозначил А.В. Малько, который рассматривал данные явления в качестве факторов, снижающих эффективность правовых стимулов и правовых ограничений [3]. Ю.В. Панченко рассматривает юридические препятствия в качестве условий, осложняющих процесс реализации и защиты прав и законных интересов субъектов права [4]. В настоящее время все чаще исследование природы юридических препятствий находит свое отражение в отраслевых правовых науках. Несмотря на это стоит отметить, что общепризнанного понятия «юридические препятствия»

в теории права в настоящее время не выработано, не определены его содержание и место в понятийно-категориальном аппарате правовой науки.

С учетом всего сказанного, мы ставим перед собой задачу по определению «понятийного поля» и «смысловых границ» юридических препятствий в целях установления их существенных признаков, которые составят содержание общетеоретического понятия юридических препятствий как явления правовой действительности.

В целом под препятствиями традиционно понимаются некие преграды, препоны, помехи, преграждающие какое-либо движение, действие, процесс, устремление. Вполне очевидно, что суть любых препятствий заключается в негативном воздействии на всякого рода явления, процессы, в результате чего снижается их эффективность или делается невозможным достижение их целей. Нельзя препятствовать тому, что не находится в движении, не предполагает определенной активности на пути достижения результата, какого-либо эффекта. Поэтому говорить о препятствиях в статике недопустимо. Препятствие оказывает свое воздействие только в динамике, в процессе, предполагающем некую результативность.

Право как явление социальной действительности, в котором препятствия также находят свое выражение, рассматривается и в статике, и в динамике. В первом случае право можно определить как «соответствующую требованиям принципа формального равенства систему норм, установленных или санкционированных государством и обеспеченных возможностью государственного принуждения» [5]. Однако право не должно быть просто установлено, не должно быть «мертвым», «правом в книгах» (Там же). Право должно действовать, реализовывать свое назначение, которое состоит в регуляции общественных отношений. Действие права «выражает динамику права, процесс его реального регулятивного воздействия на уже урегулированные общественные отношения» [5]. Именно действие права позволяет определить, достигаются ли правовые цели, заложенные в содержании правового закона. Правовая цель в данном случае является тем ориентиром, достижение которого в результате реализации норм законодательства говорит об эффективности действующего права [6].

Под *целями правового закона (целями права)* можно понимать упорядочивание и развитие общественных отношений в соответствии с социальными потребностями посредством нормативного установления равной и справедливой меры свободы в поведении субъектов общественных отношений в конкретно-исторический период времени. Степень достижения указанных целей права свидетельствует об эффективности действующего права. При этом показателем эффективности будет «соотношение между последствиями реализации норм законодательства (т. е. результатами их действия) и правовыми целями этих норм» [5].

Как мы уже говорили, для того чтобы цели права достигались, необходимо, чтобы оно находилось в динамике, действовало. Само по себе право не может функционировать как система, поскольку система требует организации, а именно – значительного числа средств, приемов и способов для обеспечения ее действенности и эффективности [7].

Смысл действия права состоит в том, чтобы «наличную абстрактно-общую норму статичного права, то есть общее правило для общего случая, надлежащим образом преобразовать в актуальную «казусную» норму, то есть в конкретное правило для конкретного случая» [5]. Реализуется смысл действия права при помощи различных правовых средств.

Необходимо отметить, что в теории права взгляд на правовые средства, факторы, «оживляющие» право, оказывающие регулятивное воздействие на общественные отношения, во многом зависит от соотношения и различения таких категорий, как «правовое воздействие» и «правовое регулирование». Обобщая научные взгляды на указанные правовые категории, можно сказать, что в целом научная дискуссия сводится к их соотношению как более широкой категории (правовое воздействие) и более узкой (правовое регулирование). Так, Л.А. Морозова отмечает, что «понятие “правовое воздействие” шире, чем категория “правовое регулирование”». Правовое регулирование есть воздействие всей системы юридических средств на общественные отношения. Правовое же воздействие – это не только специально-юридическое влияние права на общественную жизнь, но и информационно-психологическое, воспитательное, социальное и иное влияние правовой действительности на жизнь общества. Между рассматриваемыми понятиями нет резкой грани, они тесно связаны, но правовое регулирование является лишь частью правового воздействия, при этом частью специально-юридической» [8]. На наш взгляд, рассмотрение действия права лишь сквозь призму механизма *правового регулирования* убирает из поля зрения иные, чем собственно юридические, правовые явления,

факторы, оказывающие существенное влияние на эффективность действия права. К их числу можно отнести правосознание, правовую культуру и т. д.

Итак, правовые средства характеризуются тем, что они «выступают основными работающими частями (элементами) действия права», «приводят к юридическим последствиям, конкретным правовым результатам» [9]. Ценность правовых средств заключается в том, что они являются инструментом достижения целей права.

Юридические препятствия, в отличие от правовых средств, направлены против достижения правовых целей, их негативная потенция тормозит, блокирует процесс действия права. Исходя из сказанного можно сделать вывод, что юридические препятствия необходимо отграничивать от любых правовых средств.

В связи с этим стоит отметить, что юридические препятствия следует отличать от правовых средств, хоть и носящих ограничительный характер и направленных на сдерживание каких-либо процессов, но являющихся по своей сути правовыми средствами, направленными на достижение правовых целей. К их числу следует отнести правовые ограничения, запреты в праве, правовые санкции и иные, схожие по содержанию правовые средства.

Так, А.В. Малько под *правовыми ограничениями* понимает «правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц» [3]. По своей сути правовые ограничения являются правовыми средствами, при помощи которых «урезаются», уменьшаются возможности для негативного поведения субъектов. С точки зрения либертарно-юридической теории правовые ограничения можно рассматривать как инструмент «оформления свободы в общественном бытии людей» [8] путем уменьшения ее пределов.

В научной литературе взгляды на понятие правовых ограничений и на их соотношение с иными, схожими правовыми явлениями весьма разнообразны. Так, с одной стороны, правовые ограничения рассматриваются с широкой точки зрения как обобщающая категория, включающая в свое содержание иные правовые средства, носящие ограничительный характер: запреты в праве, приостановления в праве, обязанности, санкции и т. д. [3] С другой, узкой точки зрения – правовые ограничения рассматриваются в качестве самостоятельного правового средства наряду с запретами [10; 11], а также в качестве одной из форм запрета [12]. Также А.В. Малько, на наш взгляд, вполне справедливо говорит о необходимости различения правовых ограничений на информационно-психологическом и специально-юридическом уровнях правового воздействия [3].

Необходимо отметить, что для сравнения юридических препятствий с правовыми ограничениями и иными смежными правовыми явлениями наличие указанных выше точек зрения не имеет принципиального значения. Главное, что правовые ограничения, запреты, санкции и т. п. являются правовыми средствами, направленными на воспрепятствование реализации неправомερных, «теневых» интересов субъектов общественных отношений. Их сущность заключается, как уже говорилось, в уменьшении свободы поведения ради достижения правовых целей, общего блага*.

Юридические препятствия, напротив, носят неправовой характер, являются факторами, негативно влияющими на процесс правового воздействия, не способствуют достижению правовых целей. Отсюда делаем вывод, что они не могут отождествляться с правовыми средствами, в том числе с правовыми ограничениями.

Немаловажным для понимания места юридических препятствий в понятийно-категориальном аппарате правовой науки является определение тех явлений, которые составляют объем категории «юридические препятствия». В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее.

Как уже отмечалось, юридические препятствия необходимо рассматривать в качестве негативных факторов, препятствующих процессу правового воздействия. При этом в научной литературе существует уже устоявшееся мнение о том, что правовое воздействие включает в себя несколько уровней (каналов) влияния правовой действительности на общественные отношения: специально-юридический (правовое регулирование), информационно-психологический, ценностно-ориентационный, социальный [9; 13]. Центральное место при этом занимает именно специально-

* О понятии «общее благо» см.: Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма; Инфра-М, 1997. 652 с.

юридический канал правового воздействия, представляющий собой целенаправленное, организационное упорядочение общественных отношений при помощи системы специальных юридических средств. Остальные каналы правового воздействия опосредуют косвенное, нецеленаправленное влияние правовых явлений на социальную действительность. Более подробно на особенностях каждого из каналов правового воздействия остановимся ниже. Сейчас важно отметить, что проводить между уровнями правового воздействия четкую грань и исследовать их в разрыве друг от друга в корне неверно, равно как и недооценивать роль каждого из них в механизме правового воздействия. Все каналы (уровни) правового воздействия имеют тесные коррелятивные связи, взаимодополняют друг друга. По справедливому замечанию В.В. Груздева, «рассмотрение механизма правового регулирования как составной части механизма правового воздействия наряду со специально-юридическим, актуализирует информационный и ценностно-ориентировочный аспекты исследования. Данные каналы воздействия “включаются” раньше правового регулирования, “подключаются” в процессе его запуска и работы и оказывают влияние после завершения правового регулирования» [14]. Таким образом, эффективность действующего права во многом будет зависеть от того, насколько велик синергетический эффект «работы» всех каналов правового воздействия.

Из сказанного можно сделать вывод, что юридические препятствия как факторы, препятствующие процессу правового воздействия необходимо рассматривать сквозь призму всех его каналов (уровней). Нельзя относить к ним исключительно те явления, которые обнаруживают себя только в рамках правового регулирования как специально-юридического уровня правового воздействия.

Таким образом, явления правовой действительности, входящие в объем категории «юридические препятствия», условно можно разделить на несколько групп в зависимости от того, на каком из уровней правового воздействия они находят свое максимальное выражение, в большей степени реализуют свой негативный потенциал.

К первой группе юридических препятствий, очевидно, необходимо отнести факторы, препятствующие собственно правовому регулированию как специально-юридическому уровню правового воздействия. Перед тем как раскрыть сущность данных препятствий отметим, что правовое регулирование «в процессе своего осуществления складывается из определенных этапов и соответствующих элементов, обеспечивающих движение интересов субъектов к ценности» [9]. Его сущность заключается в том, чтобы посредством особого механизма перевести абстрактную форму правовой регуляции, выраженную в норме права, в конкретную форму правовой регуляции «применительно к конкретному поведению конкретного лица в конкретных условиях» [5]. Осуществляется указанный процесс правового регулирования при помощи системы специфических правовых средств, «организованных наиболее последовательным образом» [9], то есть при помощи механизма правового регулирования. Сущность юридических препятствий в рассматриваемом аспекте заключается в негативном воздействии на элементы механизма правового регулирования, в результате чего снижается эффективность последнего, цели правового регулирования не достигаются. Свое проявление юридические препятствия могут найти на различных стадиях механизма правового регулирования в зависимости от того, какой из его элементов является объектом воздействия данных препятствий.

Итак, в зависимости от проявлений препятствий на одной из указанных стадий В.Ю. Панченко и А.А. Петров говорят о нормативных, правоконкретизирующих и правореализационных препятствиях [15].

В качестве примера нормативных юридических препятствий можно обозначить дефекты нормотворчества, на которые указывает Конституционный Суд Российской Федерации. К ним относятся пробельность, неопределенность и несогласованность регулирования. При этом под *пробельностью* регулирования понимается формальное отсутствие регулирования общественных отношений, нуждающихся в этом с точки зрения требований защиты ценностей и реализации принципов, включая неурегулированность отдельных материальных либо процедурных компонентов в структуре моделируемого нормой правоотношения, либо фактическое отсутствие должного, то есть обеспечивающего эффективное нормативное упорядочение соответствующих отношений, регулирования. Под *неопределенностью* регулирования Конституционный Суд РФ понимает такие недостатки нормотворчества, как размытость терминологии, нечеткость правореализационных механизмов. А под *несогласованностью* регулирования понимаются иные, вызванные недостаточной юридико-технической проработкой, дефекты нормотворчества, не относящиеся к первым двум группам и порождающие противоречия между нормами одной отрасли (внутренняя несогласованность) либо между нормами, принадлежащими к разным отраслям (внешняя несогласованность) [16].

В качестве правоконкретизирующих юридических препятствий В.Ю. Панченко и А.А. Петров указывают три группы факторов:

- дефекты в сфере юридических и доказательственных фактов, препятствующие возникновению правоотношения;
- дефекты субъектного состава правоотношений, не позволяющие четко идентифицировать надлежащего субъекта права или обязанности, а равно в будущем определить субъекта юридической ответственности за нарушение прав;
- дефекты структуры правоотношений, не позволяющие создать такую правовую связь, которая будет оптимально для субъектов конкретизировать правовые установления общего характера [15].

Негативная потенция правоконкретизирующих препятствий не позволяет эффективно *перейти* от абсолютной регуляции к конкретной области регулирования.

И наконец, к числу правореализационных юридических препятствий В.Ю. Панченко и А.А. Петров относят следующие факторы:

- организационно-процедурные препятствия (отсутствие обеспеченности механизмов реализации права со стороны органов публичной власти);
- ментальные препятствия (дефекты правосознания, низкая правовая культура) [15].

В научной литературе выделяют несколько явлений, которые можно определить в качестве ментальных юридических препятствий. К ним, в частности, можно отнести правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой субъективизм.

Под *правовым нигилизмом* в науке понимается «скептическое, равнодушное или негативное отношение к праву, неверие в его потенциальные возможности решать социальные проблемы» [17], «невостребованность права обществом» [9]. *Правовой инфантилизм* – это «наиболее мягкая форма искажения правового сознания, заключающаяся в несформированности, недостаточности правовых знаний, установок. Связан с нехваткой жизненного опыта и знания основ действующего законодательства» [18]. *Правовой субъективизм* – это «одностороннее отношение индивида к правовым предписаниям, которое заключается в своекорыстном признании собственных полномочий, а также в отрицании своих обязанностей и чужих прав. Субъекты с такой деформацией правосознания стремятся использовать свои права, но избегают выполнения обязанностей» [19]. Сущность рассмотренных правореализационных юридических препятствий заключается в том, что они затрудняют, блокируют процесс реального воплощения в поведении субъектов правоотношений правовых предписаний.

В заключение рассмотрения юридических препятствий на уровне правового регулирования хотелось бы отметить, что некоторые из них, в первую очередь ментальные препятствия, обусловлены тем, что право оказывается неэффективным на иных уровнях правового воздействия, которые в своей совокупности отражают психологический аспект действия права.

Как следствие, хотелось бы выделить вторую группу юридических препятствий, которые проявляют себя на информационно-психологическом и ценностно-ориентационном уровнях правового воздействия.

Юридические препятствия на информационно-психологическом уровне по своей сути – это негативные факторы, препятствующие воздействию «прескриптивной (управленческой) правовой информации на мотивы субъектов» [9], снижающие эффективность правовых стимулов и ограничений. В результате действия данных факторов у субъекта общественных отношений не возникает или снижается потребность и желание удовлетворять собственные интересы в рамках правового поля. то есть снижается эффективность правовых стимулов. Кроме того, действие юридических препятствий в рассматриваемом аспекте приводит к тому, что субъект не воспринимает правовые ограничения, что приводит к удовлетворению антиобщественных интересов.

Необходимо отметить, что юридические препятствия на информационно-психологическом уровне весьма разнообразны и обусловлены множеством причин. В частности, это могут быть препятствия, обусловленные объективными причинами (погодные условия, физические и психические заболевания лица), например, субъект не реализовал свое активное избирательное право в силу неблагоприятных погодных условий в день голосования; лицо совершает изнасилование ввиду своего тяжелого психического расстройства и т. д. Ряд юридических препятствий в рассматриваемом аспекте носят субъективный характер. В качестве примера можно назвать такое негативное явление, как *отчуждение в праве*, представляющее собой обособление, отдаление индивида от права, ощущение им разрыва «между своими ожиданиями, желаниями и действующими нормами права» [19]. В данном случае субъект не ощущает необходимости усвоения правовых норм в силу их незначительности для него.

В качестве препятствий на информационно-психологическом уровне можно указать противоправные стимулы и противоправные ограничения. Профессор А.В. Малько в качестве первых определяет «незаконные привилегии, льготы, взятки и т. п.», а в качестве вторых – «произвольные запреты, необоснованные обязанности и наказания» [3]. Указанные юридические препятствия приводят к тому, что субъект ищет иные, внеправовые способы, пути удовлетворения своих интересов, что нивелирует процесс правового регулирования общественных отношений.

Мы указали лишь часть возможных юридических препятствий на информационно-психологическом уровне правового воздействия. Фактически их гораздо больше. При этом любое явление правовой действительности, которое негативно влияет на усвоение субъектами правовой информации, ее восприятие и правильное понимание и, как следствие, приводит к сбоям в мотивах правомерного поведения данных субъектов, можно рассматривать в качестве юридического препятствия (с точки зрения информационно-психологического аспекта правового воздействия).

В качестве еще одной группы юридических препятствий, с точки зрения психологического аспекта действия права, необходимо указать факторы, препятствующие правовому воздействию на ценностно-ориентационном уровне, которое в теории права понимается как «общеидеологическое влияние всей правовой действительности на внутренний мир субъекта, на формирование в сознании людей ценностных представлений, на правовое воспитание личности» [9]. Ценностно-ориентационный уровень «отражает ту стадию бытия права, когда правовое (нормы права, юридическая практика, правовая политика, юридическая наука, правовая идеология в целом) оказывает непосредственное влияние на сознание отдельной личности, коллективов людей, предопределяя характер восприятия и реальное поведение в сфере его (права) действия» [20]. Сущность препятствий в данном случае проявляется в том, что они блокируют, стоят на пути верного и адекватного осознания права, на пути формирования в сознании субъектов положительного отношения к праву и иным правовым явлениям, формировании правовых установок, социальной активности; на пути воспитания в «духе Закона». К числу юридических препятствий на ценностно-ориентационном уровне, в частности, можно отнести такие социальные явления, как правовой идеализм и правовая демагогия.

Под *правовым идеализмом* в теории права понимают особый тип правосознания, предполагающий «преувеличение реальных регулятивных возможностей правовой формы» [21], веру во всемогущество закона. По своей сути правовой идеализм сводит решение всех социальных, экономических и прочих проблем к изданию закона, без попыток разобраться в их причинах и выработки реальных механизмов их решения, в том числе при помощи обоснованного и необходимого правового акта. Как результат, мы получаем избыток неэффективных и неработающих, «мертвых» законов, не способных удовлетворить общественные интересы в правовом регулировании и, как следствие, приводящих к неверию субъектов общественных отношений в возможности права, к поиску иных, неправовых форм удовлетворения интересов.

Правовая демагогия как явление правовой жизни представляет собой вид социального, провокационного обмана для достижения политически и юридически порочной, корыстной цели посредством доверия и одобрения народа, влиятельных объединений граждан и, особенно, избирателей [22; 21]. По своей сути правовая демагогия представляет собой целенаправленное искажение представлений людей об определенных правовых явлениях. В.К. Бабаев в качестве проявления правовой демагогии указывает на такие примеры поведения, как:

- требование принять закон (либо иной правовой акт) по предмету, который в принципе не может быть объектом юридической регуляции;
- предложение отменить научно-обоснованный и эффективный закон, который для определенной части граждан обременителен, но в целом необходим государству и мировому сообществу;
- искусственное противопоставление друг другу различных по юридической силе нормативно-правовых актов и т. д. [24].

Проявления правовой демагогии как негативные факторы правовой действительности вызывают в сознании субъектов отрицательное отношение к тем или иным правовым средствам, а также искаженное представление о них. Указанные причины явно не способствуют формированию адекватного восприятия правовых форм.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что проведенное нами разделение юридических препятствий на группы в зависимости от того уровня правового воздействия, на котором они находят свое максимальное проявление, является условным. Между ними нельзя провести абсолютной разграни-

чительной черты, они находятся в тесных коррелятивных связях, взаимообуславливают друг друга. Так, вполне очевидно, что препятствия на информационно-психологическом уровне негативно влияют и на механизм правового регулирования (например, на стадии правореализации, когда субъект не заинтересован в правомерном поведении). В свою очередь нормативные дефекты как юридические препятствия приводят к негативному восприятию субъектами правовых явлений, укрепляют в них убежденность в слабости права, то есть, по сути, детерминируют правовой нигилизм. Вместе с тем произведенное разделение на группы имеет важное познавательное значение, в том числе позволяет определить понятийное поле «юридических препятствий» по средствам «сервисных» понятий.

В целом можно сделать следующие выводы.

1. В самом общем виде под юридическими препятствиями необходимо понимать явления правовой действительности, негативно влияющие на эффективность правового воздействия и, как следствие, достижение целей правового закона.

2. Юридические препятствия проявляют себя в динамике права, то есть в рамках правового воздействия.

3. Поскольку юридические препятствия являются негативными факторами, сущность которых проявляется в снижении эффективности правового воздействия, их нельзя рассматривать в качестве правовых средств, которые, в свою очередь, являются частью механизма действия права и направлены на достижение правовых целей. С этой точки зрения юридические препятствия необходимо отличать от правовых ограничений и иных смежных с ними правовых средств.

4. В содержание понятия «юридические препятствия» входят негативные явления правовой действительности, которые можно разделить на несколько групп в зависимости от того, на каком уровне правового воздействия они находят свое максимальное проявление. К первой группе относятся юридические препятствия на уровне правового регулирования (специально-юридическом уровне правового воздействия): пробельность, неопределенность и несогласованность регулирования, правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой субъективизм, а также иные нормативные, правоконкретизирующие и правореализационные препятствия. Ко второй группе относятся юридические препятствия на психологическом уровне правового воздействия. В качестве таковых мы рассмотрели отчуждение в праве, противозаконные стимулы и ограничения, правовой идеализм и правовую демагогию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юрид. лит., 1976. 264 с.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29.
3. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ. 2003. 250 с.
4. Панченко В.Ю. О понятии юридических препятствий в реализации и защите прав и законных интересов // Академический юридический журнал. 2013. № 3. С. 10-19.
5. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: Инфра-М. 2012. 560 с.
6. Лапаева В.В. Эффективность закона и методы ее изучения // Эффективность закона. М. 1997. С. 28-44.
7. Драчук М.А. Управление, правовое воздействие и механизм правового регулирования: соотношение понятий // Вестник Омского университета. 2014. Вып. № 1 (71). С. 173-180.
8. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Российское юридическое образование, 2010. 384 с.
9. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
10. Братко А.Г. Запреты в советском праве / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 92 с.
11. Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 113 с.
12. Фаткуллин Ф.Н., Фаткуллин Ф.Ф. Проблемы теории государства и права: учебное пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2003. 351 с.
13. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс».
14. Груздев В.В. Вопросы соотношения правового воздействия и правового регулирования // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 2. С. 309.
15. Панченко В.Ю. Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: проблемы теории и практики / под ред. В.Ю. Панченко, А.А. Петрова. М.: Юрлитинформ, 2015. 736 с.
16. Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.09.2016).
17. Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм (Теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 1999. 191 с.

18. Огрызко А. Деформация правосознания // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. 2015. № 9. С. 33-35.
19. Отграничение правового нигилизма от смежных понятий. URL: <http://articlekz.com/article/7090>.
20. Мешков Д.Н., Мешкова А.М. Воздействие права на личность: ценностно-ориентационный аспект // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2013. № 3 (3). С. 298-303.
21. Жигачев Г.А. Правовой нигилизм и иные детерминанты конфликтов в обществе // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 9. С. 279-283.
22. Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 2003. 592 с.

Поступила в редакцию 22.02.17

A.V. Bortsov, A.Yu. Kandakov

«LEGAL OBSTACLES» IN THE FRAMEWORK OF CATEGORIES AND CONCEPTS OF JURISPRUDENCE

This article determines the content of the notion “legal obstacles” and its place in the framework of categories and concepts of jurisprudence. To disclose the notion of legal obstacles, the article studies essential characteristics of legal obstacles as phenomena of legal reality which negatively affect the process of legal influence. On the basis of the identified characteristics, the authors correlate the legal obstacles with other legal phenomena, making it possible to determine the scope of the concept “legal obstacles”. The authors conclude that legal obstacles should be distinguished from legal restrictions and other related legal phenomena. The main distinctive feature of legal restrictions is that they are legal means and they aim to achieve legal objectives. In addition, the article deals with the legal phenomena forming the content of the notion “legal obstacles”. Depending on their manifestation on one of the levels of legal influence, the author distinguishes two groups of given phenomena. The first group includes the legal obstacles on the special legal level of legal influence: presence of gaps in law, vagueness and non-coordination in regulation, legal nihilism, legal infantilism, legal subjectivity, and other normative, law specifying and law enforcing obstacles. The second group consists of the legal obstacles on the psychological level of legal influence, particularly alienation, illegal incentives and restrictions, legal idealism and legal demagoguery.

Keywords: concept, legal obstacles, legal phenomenon, legal influence, legal restrictions, legal nihilism.

Борцов Алексей Владимирович,
преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин
E-mail: borcov_90@mail.ru

Кандаков Александр Юрьевич, курсант

ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125

Bortsov A.V.,
lecturer at Department of Civil and Legal Disciplines
E-mail: borcov_90@mail.ru

Kandakov A.Yu., cadet

Perm Institute of the FPS Russia
Karpinskogo st., 125, Perm, Russia, 614012